



Раса Чепайтене

доктор гуманитарных наук, историк культуры, старший научный сотрудник Института Истории Литвы, профессор ЕГУ. Автор или соавтор 8 научных трудов, опубликовала более 100 статей в литовской и заграничной академической прессе. Специализируется в исследованиях теоретических положений *heritage studies* и *memory studies*.

Фото I. Sidarevičius

Утопические ландшафты советского: особенности и судьба

Utopian Landscapes of the Soviet: Features and Fate

Раса Чепайтене

The article by EHU professor Rasa Čepaitienė analyzes the concept and features of the Soviet symbolic landscape. This landscape includes not only obvious signs of Soviet presence, such as monuments and other ideological dominants, but also the ordinary typical architecture of former Soviet cities, industrial areas, and urban planning structures. Much attention is given to the study of its use after the collapse of the USSR for political purposes. But the political instrumentalization of the remains of the Soviet epoch is by no means the only possibility of its reuse. The article also focuses on the problems of preserving and adapting the Soviet heritage for today's needs and rethinking its value.

В последние тридцать лет многие связи стран бывшего СССР были разорваны. Литва, с 2004 года член Европейского Союза и НАТО, ориентируется на уровень процветания скандинавских государств и, как и другие страны Балтии, давно не отождествляет себя с постсоветским регионом. Однако проблемы психологической дистанции к советскому все еще остаются актуальными.

Каким был этот период в глазах людей, проживших и помнящих его? Утопичным, тоталитарным, оккупационным, инвазивным (словно какой-то вредный биологический вид), насильственным, лицемерным, наполненным пропагандой, абсурдным или просто унылым? Или, наоборот, близким, родным, «нашим» и поэтому вызывающим (не)скрываемую ностальгию? Глубокого осмысления требует не только сам период коммунистического правления, но и сохранившиеся материальные остатки этой эпохи.

С интенсификацией российской агрессии против Украины и все более активного использования «советского наследия» обеими сторонами конфликта в качестве ресурса для решения текущих (гео)политических задач отношения с советским прошлым приобре-

тают важность и как фактор онтологической безопасности.

Комплексы и фрагменты социополитической инфраструктуры, промышленные, общественные и жилые кварталы и здания все еще используются по прямому назначению, составляя важную, если не наиболее значительную, часть застройки городских и аграрных агломераций, уже находящихся под влиянием новых социоэкономических процессов. Символы и знаки прежней идеологии и пропаганды также иногда сохраняются в публичном пространстве, а в некоторых постсоветских странах, например в Беларуси, они остались почти в нетронутом, аутентичном виде.

Но часть этого ландшафта уже покрывается новым культурным слоем и значениями, лишенными содержательной связи с предшествующими и, более того, нередко образующими с ним эстетический контраст и семантический диссонанс. Все эти структуры, объекты, артефакты и символы в долгосрочной перспективе неизбежно обретают собственную жизнь, обрастают новыми функциями. Например, феномен активного использования ностальгии по советской эпохе в прагматических целях продвижения коммерческих брендов или намеренная «советскость» в некоторых произведениях современного искусства. Бывает, что поиск наиболее эффективного использования этих артефактов завершается их безжалостным уничтожением, когда даже решение сохранить некоторые фрагменты для туристических нужд представляется формой такой же циничной эксплуатации. Иными словами, процессы, происходящие с советским символическим ландшафтом, достаточно сложны.

С распадом системы, создавшей этот символический ландшафт, удаление или трансформация пласта советской эпохи становится не только политической (как часть программы десоветизации), но и практической задачей – как вызов для градостроителей. Но

вместо того, чтобы решать ее, новые планы городских изменений часто демонстрируют сознательное нежелание работать с исторической преемственностью городской формы. Так, в городах постепенно происходит пространственно-историческое размежевание с советским периодом. Создается ситуация, в которой «места памяти», в смысле *lieux de mémoire* Пьера Нора, теряют компонент памяти и становятся пустыми сигнификаторами или местами «на месте памяти» (*au lieu de la mémoire*) [1]. В некоторых местах слой советского символического ландшафта намеренно удаляется, например, радикальной перепланировкой таких городов как Астана или Ашхабад, или обогащением их совершенно новыми символами, как в столице Калмыкии Элисте, где центральная площадь стала местом не только статуи Ленина, но и Будды [2]. Однако есть и обратные примеры. Своеобразной формой «замороженного» советского ландшафта является Молдавская Республика Приднестровье (ПМР), которую иногда называют «СССР после СССР», «зомби-СССР» или «музеем коммунизма под открытым небом». Там идеологическое содержание сохранилось практически в неизменном виде [3].

Эти до сих пор нерешенные проблемы подталкивают обратиться к теоретическим и практическим вопросам: что делать с остатками этого символического ландшафта? Стоит ли сохранять их как часть образцов «национального наследия» или лучше использовать как ресурс для приезжего туризма? Или, наоборот, безжалостно стереть с лица земли, переработать до неузнаваемости?

Целью данной статьи является попытка дать более четкое определение самого понятия «советского символического ландшафта», а также через выявление основных его характеристик обсудить возможности сохранения реликтов советской утопии в контексте радикально изменившегося социополитического пространства.

Концепт и особенности советского символического ландшафта

Тема политического использования физического и социального пространства в антропологии и культурных исследованиях не нова. Все больше исследователей привлекает тема именно советских символических ландшафтов. Исследования характеризуются не только разнообразием тем и предметов, но и географической шириной, выходящей далеко за пределы Советского Союза или Евразии в целом, поскольку материальные следы коммунистических или квазикоммунистических режимов можно найти по всему миру [4]. Но каковы отличительные характеристики этого ландшафта? Чем он выделяется среди аналогичных примеров пространства, созданного или переработанного другими тоталитарными и авторитарными режимами?

Понятие «советского символического ландшафта» охватывает как материальные, так и нематериальные аспекты общественной среды, созданной в советскую эпоху. В это понятие входят артефакты идеологии и визуальной пропаганды, а также другие созданные в то время городские, архитектурные и художественные пространства, объекты, сооружения и структуры, включенные в поле действия советской идеологии и пропаганды.

Вопрос о границах и масштабах этого ландшафта и по сей день не до конца решен. Советский режим стремился подчинить себе все сферы и явления общественной жизни, создавая атрибуты собственной, довольно специфичной, материальной культуры, призванной служить практическим потребностям легитимации и поддержки политической власти и создания коллективной идентичности советских граждан. Так что даже простейшие, казалось бы, чисто утилитарные предметы служили частью семиотической системы – от столовых приборов до жилых кварталов.

Стремление к тотальному преобразованию среды можно заметить уже в трудах ранних советских архитекторов-конструктивистов и художников-авангардистов. Владимир Каганский, представитель теоретической географии, использует термин «советский пространственный ландшафт», определяемый им через процессы урбанизации, индустриализации и «массовизации» (внедрения массовой культуры). По его мнению, советское пространство – уникальный тип ландшафта – характеризовалось универсальностью и тотальностью отношений власти и подчиненных ей [5]. Вертикальные властные отношения в Советском Союзе всегда преобладали над остальными. Логика административного подчинения природной и обитаемой среды здесь была первична по отношению к прагматическим интересам и характеризовалась противостоянием с естественной логикой территориальных отношений, таких как соседство. Советское пространство характеризовалось гиперцентрализацией и схематизацией всей территории, что означало попытку сдержать, стандартизировать и подчинить общей цели хаос окружающей среды.

По сути, такой ландшафт был производным от конкретных социальных отношений. Более того, пространство не было самостоятельным, а воспринималось лишь как хранилище ресурсов или как место для демонстрации внепространственных целей и ценностей [6, 137]. Каганский остроумно отмечает, что советский ландшафт создавался и функционировал не в соответствии с экономической или жизненной прагматикой, а в соответствии с семантикой лозунга – он должен был свидетельствовать о достижениях «партии и народа». Пространство, оформленное как «газетный репортаж», простое и убедительное, само было подобно материализованному лозунгу, смешивающему описательное и нормативное, материальное и символическое, политическое и повседневное. Функции

каждой из его единиц должны были быть ясными, простыми и строго определенными. Но наряду с этой простотой, даже примитивностью, советскому ландшафту было присуще и стремление к исключительным масштабам и величию, что рассматривалось тогдашними управленцами как необходимое условие контроля. Огромные узкоспециализированные колхозы и совхозы, гигантские заводы с городами при них, площади, монументальные здания и мемориалы свидетельствовали о склонности режима к гигантомании, превосходящей рациональные потребности, и демонстрировали нескрываемую утопичность.

В идейно-символической сфере это выразилось и в демонстрации таких понятий, как ценность, подлинность, героизм, единство, новизна, сакральность. Такой ландшафт также постоянно изменялся, переделывался, трансформировался: реки поворачивались вспять, пустоши орошались, болота осушались, заброшенные деревни восстанавливались, действующие уничтожались, леса вырубались, святыни превращались в руины, дворцы бракосочетания строились на месте уничтоженных кладбищ и т. д. Стремление к новизне стало obsesсией режима. Говоря о нелогичности и хаотичности как о чертах советского ландшафта, Каганский в итоге приходит к выводу, что это был не столько ландшафт, сколько антиландшафт [6, 140].

Все эти аспекты позволяют более точно определить советский символический ландшафт как физико-символическую среду, пронизанную отношениями власти/контроля [7]. Другие идеократические тоталитарные режимы, такие как германский нацизм или итальянский фашизм, не будучи столь длительными, не достигли равной ему способности проникать во все сферы жизни.

Переходя к теме семантического содержания этого ландшафта, стоит привести мнение австралийского советолога Грэма Гилла, обратившего внимание на то, что в политическом поле тоталитарного режима символический дискурс производится путем

попытки расположить знаки систематически и последовательно, что помогает гражданам легко воспринимать и интерпретировать прошлое, настоящее и будущее [8]. Таким образом, если политический режим пытается достичь большей социальной стабильности и общественной сплоченности, он должен постоянно убеждать людей принять и считать само собой разумеющимися значения, которые он приписывает определенным символам и знакам. Те, кто пытается интерпретировать их по-своему, несанкционированно, наказываются. Обычно это делается с помощью создаваемых и передаваемых разными коммуникативными средствами нарративов, цель которых – рассказать последовательную историю развития общества и тем самым создать основу для принятия и усвоения обществом именно этих символов, а значит, добиться от него обязательства поддерживать политический порядок.

Основные советские идеологические нарративы характеризовались грандиозными сюжетами: выявление зла, угрожающего обществу; спаситель, способный защитить общество от этих угроз; предвкушение Золотого века и тема сплоченности/единства общества [9]. Мифы не только объясняли истоки советского общества, путь и направление его развития, но и служили «строительными блоками» идеологического метанарратива, формируя рамки, в которых он мог существовать даже тогда, когда вера в идеологию уже значительно уменьшилась или даже сошла на нет [10]. По сути, легитимация коммунистических режимов основывалась на способности вызывать и поддерживать в народе убеждение, что существующий политический порядок и институты для них являются наиболее подходящими [11].

По мнению Гилла, в советском метанарративе можно выделить шесть основных мифов, выражение и значение которых менялось. К ним относятся: миф об установлении режима, в центре которого – сюжет об Октябрьской революции и о Ленине; миф о строительстве



«Приходящие или уходящие» – инсталляция Гедиминаса Урбонаса на одной из скульптурных композиций Зеленого моста в Вильнюсе (1995), демонтированных в 2015
 Фото bienale.lt

социализма; миф о природе политического лидерства, расцветший в сталинский период; миф о внутренней оппозиции курсу партии; миф о внешней оппозиции курсу партии; миф о победе в войне (имеется в виду сначала Гражданская война, а затем так называемая Великая Отечественная) [12].

Хотя советские мифы формировались эволюционно и кумулятивно, они составляли целостную систему и были тесно переплетены друг с другом. Такая упрощенная и внутренне

непротиворечивая картина реальности была жизненно необходима не только для «преодоления трудностей повседневной жизни или недостатков, которые все еще встречаются на пути к светлому будущему», но и для решения реальных проблем и внутренних конфликтов огромного мультикультурного государства. С другой стороны, эти мифы служили и для мобилизации общества против «врагов народа» и «вредителей», поддерживая тем самым его внутреннюю дисциплину.

Формирование советского символического ландшафта прошло через несколько основных периодов. После Октябрьского переворота коммунистический проект стремился разорвать все связи с символическим наследием Российской империи, радикально меняя городскую среду и передаваемые ею идеологические послания (памятники, топонимику и т. д.), а также создав и установив новый пантеон героев [13]. Процесс формирования советского метанарратива парадоксальным образом включал в себя как международное измерение – экспорт идей мировой революции, так и компоненты поддержания и конструирования национальной идентичности.

Подобный дуализм характеризует и ленинский план монументальной пропаганды, ставший программой мероприятий в области символической политики. Исследователи Ярослава Севастьянова и Дмитрий Ефременко рассматривают его как первую попытку нового режима составить собственную карту памятных мест, предусматривающую также демонтаж памятников старому режиму [14].

Позднее Сталин взял на себя реализацию этого плана и сделал ставку на создание культа Ленина, позиционируя себя как «Ленин сегодня» [15]. Это нашло отражение в монументальной лениниаде и сталиниаде, которые, несмотря на начатую Хрущевым десталинизацию, оставались визуальным формантом социополитической среды СССР вплоть до распада Союза. Таким образом, хотя Хрущев и атаковал моральный авторитет предыдущего лидера, он обеспечил преемственность ранее сложившейся советской пропагандистской традиции, предложив обратиться к истокам советской власти и «ленинскому духу», который в сталинскую эпоху был «лишь искажен и неверно истолкован, но остается незыблемым в ценностном отношении». За ним последуют другие советские лидеры, которые будут поднимать те или иные аспекты «ленинского наследия», дополняя их другими мифическими конструкциями, в частности упомянутой

«победой в войне» или «дружбой народов», которые стали широко эксплуатироваться в период правления Брежнева.

Распространение эстетических форм советского символического ландшафта происходило от центра к периферии, хотя местным административным образованиям, созданным на этнокультурной основе, позволялось включать в него некоторые отличительные национальные черты. Это особенно заметно в программе социалистического реализма, внедренной в советскую культуру примерно с 1932 года. Опираясь на ее принципы, изобразительное искусство и архитектура стали ориентироваться на адаптацию классических форм европейской цивилизации к потребностям советского режима с включением некоторых черт национальных культур (так родился так называемый сталинский ампи́р). Несмотря на десталинизацию и хрущевские реформы, социалистический реализм оставался доминирующим вплоть до падения системы. Хотя преемники Сталина выбрали для реализации своей эстетической программы модернизм, можно утверждать, что смысловые рамки, сформировавшиеся в эпоху сталинизма, оставались доминирующими вплоть до распада СССР.

Советские мифы и символы с самого момента их создания стали эффективным инструментом внедрения или навязывания обществу определенной интерпретации социальной реальности и исторического прошлого. Однако процесс восприятия этих символов осложнялся тем, что их значения, вопреки желаниям режима, оставались нестабильными. Они (часто при помощи смеха, издевки или каламбуров) могли восприниматься и интерпретироваться не так, как предполагалось создателями, что вызывало дополнительные трудности. Например, в столице республики Коми Сыктывкаре с 1981 стоит мемориал «Вечная слава», включающий вечный огонь и памятник, который в народе называется «Бабы жарят крокодила». Это вернакулярное

название в 2015 году было воспринято как оскорбление памяти павших за Родину, а опубликованное его интернет-издание оштрафовано [16].

Памятники, музеи и мемориалы вместе с проводимыми в них церемониями приобретали символический и сакральный заряд, служа для перевоспитания граждан и исключения других конкурирующих воспоминаний. Целью режима всегда было сделать идеологию и пропаганду однонаправленной – сверху вниз. Но хотя советский хронотоп формировался в соответствии с политическими потребностями «победителей Революции», введенная режимом большевиков новая символика, топонимика, праздники и ритуалы со временем интегрировались в повседневную жизнь, где контроль за их «правильным» использованием и интерпретацией становился проблематичным. Поэтому политические процессы в постсоветских государствах по-прежнему дают многочисленные примеры продолжающейся борьбы за смыслы, знаки и объекты, которые можно интегрировать в новую смысловую систему либо которые должны быть устранены.

Проблемы сохранения советского ландшафта

Когда система рухнула, в большинстве постсоветских стран знаки и символы прежней идеологии, календарь коммунистических праздников, официальные ритуалы и церемонии были отброшены. Заметным исключением стала основанная на каноне брежневского периода традиция празднования Дня Победы, которая до сих пор почти неизменна в России, Беларуси и русскоязычных диаспорах в других странах. Лишенный первоначальных функций, а также финансовой и интеллектуальной поддержки советский символический ландшафт начал постепенно исчезать, намеренно разрушаться или перерабатываться.

Его сохранившиеся фрагменты зачастую уже не могут быть прочитаны как семантически связный текст. Исключениями являются «места памяти» СССР *par excellence*, сохранившие высокий уровень аутентичности, такие как комплекс ВДНХ и станции метро в Москве и других городах СССР, некоторые мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне и т. д.

Уже первые спонтанные действия по свержению отдельных идеологических атрибутов, в основном памятников (например, памятника Дзержинскому в Москве), означали отказ от легитимности СССР как государства. В новых государствах десоветизация общественного пространства приняла различные формы – от политической и юридической оценки преступлений коммунистического режима до изъятия реликтов эпохи из общественных пространств и перемещения их в хранилища или музеи. Во многих странах декоммунизация происходила быстро и по схожей схеме. Тем не менее, в итоге она осталась незавершенной и не привела ни к формированию однозначного отношения к коммунистическому периоду (за исключением стран Балтии и Молдовы, выбравших парадигму «оккупации»), ни к созданию нового семантически интегрированного ландшафта.

Советский период в рамках национального строительства рассматривается как чуждая, навязанная форма квазигосударственности, препятствующая взаимодействию с национальным прошлым, конструируемым часто в антисоветском направлении. В меняющемся политическом климате материальные реликты советской идеологии стали рассматриваться в качестве признаков колониального периода (особенно географические названия, пропагандистские произведения, некоторые объекты государственной архитектуры и устаревшие промышленные комплексы).

Беларусь, пожалуй, единственная из бывших союзных республик, не порвавшая с советской традицией и в значительной степени



Памятник писателю
Пятрасу Цвирке в Вильнюсе,
покрытый слоем мха, неза-
долго до сноса в 2021 г.
Художественная инсталляция
Эгле Гребляускайте и Агне
Гинталайте «Let's Not Forget
not to Remember»

сохранившая всю полноту созданного в тот период символического ландшафта. Еще один особый случай представляет Россия. Ей пришлось решать проблему интеграции советской эпохи в новый национальный нарратив и в то же время уходить от ответственности за преступления коммунистического режима. Страна, взявшая на себя роль правопреемника СССР, очень болезненно реагирует на попытки соседних стран менять свой символический ландшафт, особенно в отношении мест, увековечивающих память о Второй ми-

ровой войне (возможно, самым ярким примером тут является культурная война 2007 года с Эстонией по поводу переноса советского мемориала в Таллинне).

Хотя начатая в 2014 году гибридная война России в Украине была основана скорее на шовинистической доктрине «Русского мира», чем на амбициях восстановления СССР, многие страны стали относиться к оставшимся реликтам советской эпохи как к источнику угрозы собственной безопасности и прибегнули к ответному тактическому вандализму.

Так, «ленинопад» в Украине, спонтанно начавшийся в 2014 году, стал импульсом к реорганизации публичной сферы всего региона.

Постсоветские страны столкнулись с характерной для постколониальных государств неспособностью четко разграничить формы национальной культуры, возникшие в советский период, и формы, привнесенные колонизаторами; разделить их последовательным образом, сохранив национальную культуру и отвергнув чуждую, инвазивную. Эта сложность была запрограммирована практикой реализации советской национальной политики, основанной на сталинской формулировке «национальной формы» и «социалистического содержания». Это стало проблемой, которая до сих пор является предметом многочисленных споров, особенно в случае сохранения этих объектов *in situ*, как например, памятника Матери-Грузии в Тбилиси, мемориала Великой Отечественной войне в Киеве, соцреалистических скульптур Зеленого моста в Вильнюсе и других. Все это яркие иллюстрации внутренних противоречий, возникающих при попытке очистки национальной культуры, которая в советское время уже была идеологически переработана.

Переинтерпретация советского символического ландшафта ведет и к необходимости поиска наиболее ценных его образцов. В противовес политической инструментализации советских материальных реликтов, в академической среде появляются предложения не уничтожать эти специфические объекты, а включить их в научный и образовательный оборот. Произведения советского искусства являются выражением политической, социальной и эстетической мысли определенного периода. Однако диссонирующий и противоречивый характер советского наследия затрудняет его плавный отбор и интеграцию в списки национального наследия.

Большинство музеев делят советское прошлое тематически (репрессии, повседневная жизнь, искусство, официальная культура и

т. д.) или хронологически (ленинский, сталинский, хрущевский, брежневский, перестроечный периоды), что часто мешает постичь всю его полноту. Лучшие практики сохранения и адаптации артефактов социалистического реализма и модернизма немногочисленны и еще находятся в стадии разработки. Их создатели ищут нестандартные решения для представления этого «неудобного» наследия широкой публике. Усилия кураторов музеев, художников и заинтересованных групп общества принимают различные формы: от любительских до профессиональных, от традиционных до постмодернистских (интерактивные или перформативные экспозиции, экспериментальные экскурсии и т. д.), в то же время помогая найти наиболее эффективные средства для понимания и исследования этого периода. Важен целостный подход к советскому наследию, как в случае с недавно открытым музеем Project Homo Sovieticus в Вильнюсе. Еще один пример – выставка «Засушенному верить», при помощи интердисциплинарного подхода открывающая новый, неожиданный ракурс истории ГУЛАГа. Так происходит спонтанная миграция пережитков советской эпохи из политической в культурно-экономическую сферу.

Выводы

Проблемы десоветизации и сохранения советского наследия – казалось бы, столь диссонирующие между собой – решаются в постсоветских странах по-разному. Во вновь создаваемом символическом ландшафте Литвы заметны памятные знаки, тематизирующие антисоветское сопротивление и сталинские репрессии (Музей оккупаций и борьбы за свободу и Гускуленский парк покоя в Вильнюсе, Мемориал в Крижжалнисе, Партизанский парк в Укмергском районе и т. п.). С другой стороны, как показывает сравнительный анализ музеев оккупации [17], литовская

историческая политика, делающая акцент на секретных протоколах Молотова-Риббентропа и факте оккупации, близка мемориальной культуре других стран Балтии и Молдовы.

Открытая военная агрессия России против Украины, начавшаяся 24 февраля 2022 года, придала процессу десоветизации новые, довольно гротескные черты. Хотя на момент написания статьи невозможно предсказать исход войны, она уже радикально перекроила геополитическую и ценностную архитектуру постсоветского пространства, а также бросила вызов самому объекту постсоветских исследований. Отдав приказ атаковать соседнее суверенное государство, Путин разрушил тот хрупкий консенсус в отношении советского периода, которого, хоть и с оговорками, странам региона уже удалось достичь. В путинском историческом ревизионизме, за эволюцией которого в течение последнего десятилетия наблюдали аналитики [18], переплелись общеевропейский взгляд на нацизм как на «высшее зло» и брежневское видение советского отечества как победителя этого зла и освободителя народов. В то же время была предпринята бредовая попытка оспорить результаты советской национальной политики, самого коммунистического правления и, в частности, территориально-административного деления республик. Начало войны, хотя и опирается в пропагандистском смысле на давно и тщательно выстроенную государственную мифологию родства режимов Советского Союза и постсоветской России, в действительности эти идеологические шаблоны рушит. Ревизионизм Путина побуждает постсоветский и постсоциалистический регион к ответному ревизионизму – переосмыслению вклада Советского Союза в защиту Европы от нацизма. Таким образом, Красная Армия воспринимается уже не как освободительница Европы, а как виновница зверств и военных преступлений против гражданского населения когда-то в Восточной Пруссии, а теперь и в Украине. Это приводит к спонтанно-

му возникновению третьей волны демонтажа советских памятников, на этот раз направленной на мемориалы советских воинов.

Все эти события показывают, что символический ландшафт и реликты советского периода отнюдь еще не являются нейтральными признаками ушедшей эпохи, как какие-то египетские пирамиды или крестьянская утварь XIX века, которые можно безопасно изучать и сохранять в музеях.

Использованная литература

- [1] Ушакин, Сергей. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6. С. 12.
- [2] Четырова, Любовь. Мо(ну)менты прошлого: нелинейная история взаимосвязей в Калмыкии // Неприкосновенный запас. 2011. № 6. С. 53–72.
- [3] Воронович, Александр, Фелькер, Анастасия. В поисках прошлого: мемориальный ландшафт непризнанной ПМР // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы (под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко). Санкт-Петербург: Европейский университет, 2020. С. 572–591.
- [4] Postsocialist Landscapes. Real and Imaginary Spaces from Stalindstadt to Pyongyang. Bielefeld, Transcript, 2020.
- [5] Каганский, Владимир. Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 3–15.
- [6] Каганский, Владимир. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Москва: НЛО, 2001.

- [7] Keith, Michael, Pile, Steve. Conclusion. Towards Radical Geographies // Place and the Politics of Identity (ed. by M. Keith, S. Pile). London: Routledge, 1993. P. 220–226.
- [8] Graeme, Gill. Political Symbols and Regime Change: The Russian Experience // Politics, Religion and Ideology. 2018. Vol. 19. №. 4. P. 498.
- [9] Girardet, Raoul. Mythes et mythologies politique. Paris: Editions du Seuil, 1986.
- [10] Юрчак, Алексей. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: НЛО, 2014.
- [11] Political Legitimation in Communist States (ed. T. H. Rigby, F. Feher). New York: St. Martin's Press, 1982.
- [12] Graeme, Gill. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 4–5.
- [13] Титов, Виктор. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: Российский опыт и новые тенденции. Москва: Ваш формат, 2017. С. 62.
- [14] Севастьянова, Ярослава, Ефременко, Дмитрий. Прошлое и будущее в советском метанарративе: взаимосвязь национального и наднационального // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы (под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко). Санкт-Петербург: Европейский университет, 2020. С. 43.
- [15] Почепцов, Георгий. Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. Киев: Глобус, 1994. С. 272.
- [16] Радченко, Дарья. Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 230–255.
- [17] Ćepaitienė, Rasa. Reflection of National Suffering and Freedom Fighting in the Museums of the Occupation // Constructing Memory: Central and Eastern Europe in the New Geopolitical Reality (ed. by Hanna Vazhenova). Lublin: Institute of Central Europe. 2022. P. 81–110.
- [18] Путин, Украина и исторический ревизионизм // 20khvylyn.ua, https://www.20khvylyn.com/opinion/mind/opinion_14206.html (2015-05-06).